

Обычное – уже само по себе чудо!
Ф.Кафка

Четверга, 2 сентября, Ангарск
7-00 – встать.
7-05 – найти зубную щетку.

Вчера Шах забрался в ванную комна-
ту, он часто так делает, когда хочет меня
проучить, и съел полпюбика мятной па-
сты. Потом вытащил мою щетку и по всей
видимости играл с ней. Может, загнал её
под шкаф? Или под холодильник? Не мог
ведь он её съесть?!

7-20 – если на поиски щетки хватит 15
минут, то водные процедуры и завтрак.
Если Шах щетку и правда съел, чищу
зубы пальцем – и завтрак.

2 яйца всмятку, белый хлеб 2 куса,
кофе без сахара. Деньги кончились, оста-
вил только на дорогу до галереи. Если
не продали ни одну работу, повешусь на
хрен. Сестра пьет чай с карамелью, одну
конфету на кружку. И мне советует – как
сахар кончится, и деньги будут только на
дорогу. А у меня и карамелек нет. Откуда?
Уже какой месяц без работы. Не до кон-
фет тут. Да и не люблю я сладкое.

7-25 – яйца, чтобы были всмятку, не-
обходимо варить осторожно. Это если
вкрутую, пускай болтаются до посинения.
3 минуты после закипания воды – и гото-
во. Теперь под холодную воду.

7-50 – послушать радио. На 107,4
УКВ – по будням в это время передают
новости культуры. А по «Маяку» идет
какая-то лабудная или же гороскоп на
день. Я не слушаю гороскопы. Не верю.
Не в звезды не верю. Звезды не врут.
Зачем им это? Врут гороскопы. Астро-
логи врут. «Скорпиону звезды пророчат
высокую работоспособность. Прекрас-
ное самочувствие и хорошее настро-
ение станут гарантией успешности во
многих сферах деятельности. Следует
продумать свои цели на ближайший
месяц. Карьерный рост в дальнейшем
будет зависеть от вашей кропотливос-
ти сегодня».

8-00 – выключаю радио. Принципиаль-
но не слушаю новости. Боюсь. Слышать
одно и то же каждый день страшно. В
Дагестане кого-то расстреляли прямо в
машине. В Бобруйске взорвалась котель-
ная, в Москве террористка-смертница ...
сиделись мутнурует, школьница убивает
родителей, русский хоккей больше не
русский и не хоккей!... Прогноз погоды всё
равно не точен. Гидрометцентр работает
по принципу, как все: как платят, так и ра-
ботает. А платят сейчас... уж лучше б со-
всем не платили.

8-01 – посмотреть, что там на улице.
8-02 – говорят, должен быть дождь.
Если это так, надеть плащ. Если дождем
и не пахнет, подойдет куртка.

8-03 – если дворник дядя Гриша еще
не успел подмести под окном, можно
вылезти в форточку и поглядеть на зем-
лю под окном. Шах мог запыннуть на
форточку и выбросить щетку на улицу.
Однажды он так вышвырнул мое старое
порванное портмоне. Хорошо, там ни ко-
пейки не было.

8-05 – закурить у окна. Осталось 6 си-
гарет. Плюс пюблочки папирос. Но это уже
на крайний случай. От дыма сигареты ре-
жет глаза и видно, как пейзаж за стеклом
растекается подтеками серо-голубого
цвета. В такие моменты всегда хочется
взяться за кисть. И быстрыми штрихами
запечатлеть этот миг на холсте, подойдет
ДВП или картон. Но слёз нет. И сигарета
почти докурена до бычка. Что ж, до новой
сигаретки. Да и красок таких нет, и денег
на краски. Остались ранние работы. Толь-
ко почему-то их никто не берет. И мне с
каждым днем всё больней и больней на-
блюдать, как они стареют. Стареют. Ста-
реют. Потом картины умрут. Умрут, как и
всё, и мне придётся устроить им похоро-
ны. Самые всамделишные похороны. С
поминаками и водкой. А деньги откуда? Не
воровать же?..

8-10 – и снова не забыть покормить
Шаха. Для него у меня в хорошие дни
всегда есть кошачья еда или мороженная
рыба. В такие дни, как сейчас, в дни без-
денежья и невыносимости бытия, – вче-
рашняя уха с покрошенным хлебом.

8-15 – прочесть парочку мыслей из
круга чтения Льва Толстого.

«Чем ближе люди к истине, тем они
терпимее к чужим заблуждениям. И на-
оборот».

«Есть несомненное правило, кото-
рое мы должны всегда помнить: если
доброе дело не может быть совершенно
без отступления от добра, то или это
дело не доброе, или время этого дела
ещё не наступило».

8-20 – зачеркнуть в календаре сегод-
няшнее число. Не потому, что день кон-
чался. Потому что начался.

8-22 – собираюсь. Рубашка, галстук,
свитер, брюки.

с 8-23 до 8-30 – погладить брюки. Жуть
как не люблю это дело. Особенно прогла-
живать стрелки. Одеваюсь.

8-35 – ботинки. На правом отклеилась
подшова. Тоже кушать хочет. Я-то, по-
нятно, набью желудок, чем придется, и в
путь. Башмакам нужно другое. Как-нибудь
докочувлю. Поставлю крест на большой
палец – не забыть спросить у Феди клей.
Хоть какой. Но лучше «Момент». Или до
сестры сводной дойти? Далеко, правда, а
если дождь?..

8-40 – закрыть дверь ванной на ще-
кодлу. Проверить, есть ли у Шахусика
вода в блюде. А он наглец – к ухе даже
не притронулся. Закапывает её, против-
но царапая линолеум. Шипит. Ничего, го-
лод не тетка.

8-42 – проверить газ и форточки.
Все закрыто?

8-43 – где ключи от двери?

8-45 – посмотрю на тумбе в прихожей.

8-46 – тогда в кармане куртки. Так, вче-
ра нигуда не выходил. Значит, или в за-
мке, или опять потерял. Если верно второе
предположение, то это у меня пятый за
этот год потерянный ключ.

8-47 – ключ в брюках. Еще раз осмо-
треть квартиру. Кран на кухне капает.
Нужно менять вентиль. Уже второй ме-
сяц закрываю холодную воду с помо-
щью плоскогобцева.

8-50 – на улицу.

По дороге на остановку обязательно
проведавать сухое дерево. Оно растет сра-
зу за домом, у забора детского сада. Дети,
я часто замечал, копотились возле зеле-
ного дерева. Играли с ним, ковыряли кору
лопатками, вырезали что-то... Спустился год,
может, меньше дерево погибло. Засохло
и стало похоже на крест. Дети, оставив
умершее дерево, взялись за рябину ря-

дом с качелями. Сначала они ободрали
горькие ягоды!...

Мёртвое дерево привлекло меня
странными формы. Невооруженным и
даже нехудожественным глазом можно
увидеть крест и будто свисающие с крест-
та распятые руки. Этим летом я сделал
набросок дерева карандашом. Страш-
ный получился рисунок. Тогда ещё было
пасмурно, как сейчас, и дети собрались
у забора и смотрели на меня молча, при-
жавшись к железным прутьям забора.
Смотрели до победного – пока воспита-
тельница не загнала их на полдник. Те-
перь посещение дерева-креста вошло в
распорядок дня. Стало неким ритуалом.
Эдакое папиночество к памятнику чело-
веческой жестокости. Невинность в наше
время мертва. Все в чём-то виноваты.
Даже дети.

Каждый день, каждый час где-то кого-
то распинают. Кто-то добровольно, кто-то
насилно входит на крест. Принесит себя
в жертву. В жертву будущему. Без жертв
не бывать будущему. Будущее – жесто-
ко. И чем оно ближе, тем страшнее. Со-
уществование сегодня вообще один
огромный полигон. И часто в ход идут
бескомпромиссные приемы уничтожения.
Вплоть до применения запрещенных удар-
ов и оружия!...

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

9-17 – посчитать мелочь. Нужно на-
брать пять рублей за проезд.

9-18 – отдавать предпоследние
деньги кондуктору жестоко. Ненавижу
жестокость ни в каких её проявлениях.
Пускай даже в таких безобидных. За-
частую самое из самых безобидных и
бывает опасным.

9-20 – только не думать о плохом. Пло-
хие мысли могут притянуть неприятности.
Беду. Проблемы, а мне они ну никак не
нужны. Ни сегодня. Ни-когда.

9-23 – осмотреться. Всегда и везде
можно найти что-нибудь интересное.
Забавное. Красивое. Достойное того,
чтобы быть нарисованным хотя бы руч-
кой в блокноте. Блокнот всегда при мне.
Маленький – специально, чтоб влезал
в карман рубашки. У сердца. Возьмёшь
его в руки, отроешь на чистом листе, а
лист тёплый, порой горячий. Это тепло
тела обменялось теплом с бумагой. Всё
живое. И ручка карманная тоже. Мне её
в художественном центре подарили на
выставке местных модернистов, она тоже
оживает, когда прикасается к телу. К лист-
ку. К сердцу.

9-25 – есты! Прямо напротив. Старуш-
ка в серой, как утро, беретке, отражает-
ся в треснувшем стекле. Лицо застыло
в многочисленных трещинках и разби-

Игорь КОРНИЕНКО

Воздушный поцелуй

Несколько часов из жизни человека

9-02 – порой до автобусной остановки
мне удаётся дойти за пять минут. Порой
за пятнадцать. На остановке всё те же
лица, что и позавчера, и запоздапозавчера.
Мне иногда хочется со всеми с ними по-
здороваться. Столько лет мы уже вместе
ездим на одном и том же автобусе. Когда
кого-нибудь не бывает, даже чувствуешь
напряжение всех тайно «окрещённых». Вот
полная женщина с большущей родин-
кой на носу. Она, мне кажется, работает
поварихой в какой-то захудалой столо-
вой. А вон тот молодой человек – ему лет
20, с серьгой в левом ухе. Как-то в авто-
бусе я случайно подслушал его разговор
по телефону. Он слёзно просил кого-то о
встрече, просил прощения, просил разре-
шить ему вернуться!...

Люди не могут жить полноценно без
второго человека. Двое – вот целое. Для
того, чтобы жить полной жизнью, нужны
двое. Ещё на остановке порой бывает
она – девушка с печальными глазами. У
неё всегда в руках цветы – полевые, ком-
натные, нежные, колючие... Она стоит
спинкой ко всем, лицом к парку, и, кажет-
ся, разговаривает с бутонами. Я весь этот
год собирался заговорить с ней, но так и
не решился. И не потому, что струсил
или испугался отказа – мне не хотелось
втискивать её в такую медленно текущую,
постепенно загнивающую жизнь. Жизнь,
в которой вместо живых цветов – мёртвое
дереве-распятие. Молча люблюсь ею, я
какое-то время просто так ходил до оста-
новки и смотрел на неё. Сахал в автобус,
проежал, долго смотрел вслед удаляю-
щемуся в утро маршруту №5. Потом ухо-
дил назад, в свой мир.

Это у других мир и всё к нему прила-
гающееся – впереди. У меня – всё поза-
ди. Сзади.

И не потому, что я пессимист. А потому
что родился не в то время. Не приспособ-
ился, как многие, к так быстро сменяю-
щейся маске жизни. А маски срываются и
изменяются каждый день, да что там –
каждый час. Только привык, смирившись
с одним положением вещей, ба-ба-х – на-
утро всё по-другому, и нужно перестраи-
ваться. Нужно учиться жить заново. А мне
уже не 20 и не 25!...

9-07 – ещё опать нет. Всё и все на месте,
а её нет. Её нет уже давно. Я и на кален-
даре делал пометки, сколько её не видел.
Её нет уже три месяца. Последний раз
она была на остановке с искусственны-
ми цветами. Осмелившись, я заглянул в
её глаза и увидел в них слёзы. Слёзы за-
ставляли земной шар крутиться быстрее.
Настоящие слёзы. Смотрел на всё че-
рез слёзы – видеть другой Свет. Слёзы
способны пробивать границу между ми-
рами. Между этим миром и тем... Она,
наверное, ушла в тот мир. И ей, должно
быть, теперь там хорошо. Там лучше, чем
здесь – всегда так. Всегда лучше там, а не
здесь. Это закон. Это жизнь.

А в жизни не должно быть места ис-
кусственным – мёртвым – цветам. Необ-
ходимо избавляться от искусственного.
Неживого. Чтобы жить.

9-10 – маршрут «пятёрка» ходит со-
ласно расписанию.

Я стал планировать свою жизнь вплоть
до минуты, начал жить по расписанию по-
сле смерти матери. Так получилось, что в
один день я потерял всё – и маму, и ра-
боту, и... Сводной сестре я тоже не был
шико нужен. Сейчас никто никому не нуж-
ен. Разве только в целях самосохране-
ния, да когда есть хоть какая-то выгода...
Друзей я не имел никогда – они не хоте-
ли называть меня другом. Я всегда один.
Один на один с красками и картинами, с
вдохновением и природой!...

Рису ю с детства. У меня за плеча-
ми три персональные выставки. Две
мои картины висят в Амстердаме и ещё
одна у частного коллекционера в Чика-
го. Те времена – времена взлёта – дав-
но прошли. Деньги кончались. Работа...
Конечно, если не найду ничего подходя-
щего, пойду работать дворником в бри-
гаду дяди Ириши, но рисовать не брошу.
Никогда. Даже когда не будет красок.
Буду рисовать в сердце. В душе. День-
ги дворники получают небольшие, но на
краски и еду для Шаха должно хватать.

С квартиры, правда, придется съехать.
Дворники, пока ты работаешь, выделя-
ют какой-то угол. Выживу. Если не пере-
стану рисовать!...

9-15 – в дороге.

Автобус полупустой. Обычно сажусь
у окна в левом ряду. Слева по дороге
поля. Всегда, глядя на поля, сливаю-
щиеся на горизонте с небом, думаю о
Ван Гого. Вот ведь тоже жизнь прожил.
Может, все несчастные после смерти
обретают счастье? Покой – не то ли это
счастье, к которому все стремятся и ко-
торого все жаждут?!



10-38 – и что теперь?

10-40 – куда депось солнце?

10-43 – неприятность ходит в паре.
Только по двое или по трое и никогда в
одиночку. Мало того, что галерея вот так
вот неожиданно закрылась, так ещё и
соседней общаги заорало позорище рос-
сийской попсы. Король ремейков, правда,
какой из него может быть король – петух
разве что. Заотшило от его голоса, прав-
дивый, значит, анекдот сочинили. На-
строение упало ниже нуля. Я за хорошую
музыку, за сильные тексты. Мне песни
строить и жить помогает. Так было и так
будет. Я часто напеваю про себя, а порой
и вслух. Люблю всё настоящее!...

10-45 – подальше отсюда, пока со-
всем не пошлохое.

10-50 – за углом висит телефон-авто-
мат. Номер телефона художника-прими-
тивиста Феди Захарова должен быть за-
писан на задней стороне блокнота. Федя
может занять до лучших времен. Он все-
гда меня выручал.

11-00 – позвонить Федьке.

11-05 – длинные гудки вызова. Внутри
перед неизвестностью всегда все замира-
ет. Притаивается. Ту-у-у... Ту-у-у!...

11-06 – Алло, Фёдор?

11-15 – Фёдор. До него пешком дале-
ковато. Сам бы он с удовольствием подъ-
ехал к галерее, только болеет с похмелья,
подняться с кровати не может. «Сына за
пивом посылал. Раньше как после обеда
не оклемаюсь». Понятно. Опять я в про-
игрыше. Сколько уже на счету не в мою
пользу – 99:0? «Давай до завтра, – пред-
лагает Федор, – завтра я сам к тебе при-
еду. С бутылкой, если хочешь. Тебе много
занять-то нужно? Немного, тогда тем бо-
лее. Договорились, давай держи хвост
пистолетом. Я сейчас за тебя выпью, ка-
жись, сын пришел. До завтра». И я пове-
сил трубку.

11-20 – прямо перпендикулярно галере-
е через переулок и два дома находит-
ся дом для душевнобольных. Там у меня
одноругнищца по институту работает.
Нянешкой. Катя Стрия. Это она мне пода-
ла идею серии картин с использованием
рисунков шизофреников. Она подарила
мне полную папку рисунков душевно-
больных. На папке, как сейчас помню,
было написано:

Пытаться совместить любовь

и тишь да бладь –

Как веру правую и луюню равнять.

Преступна даже мысль

лечить лекарством душу

И снадобьями скорбь

из сердца изгонять.

Я спросил у неё, что это слова. Она
ответила: Хайяма. Мы все не в своем
уме. Кто-то больше, кто-то меньше. Все
мы нуждаемся в лечении. Только лекар-
ства у всех разные. Кому-то помогают
таблетки и уколы, кому-то – объятия лю-
бимого человека и доброе слово соседа.
Каждому своё.

11-30 – идти или не идти? Вот в чём
вопрос. Прийти к Кате только для того,
чтобы занять денег, не дело. Я чувствую,
что у неё ко мне что-то есть. Но я не могу
портить ещё чью-то жизнь. Одного мне
достаточно. Разве нет? Поблагодарить
её за поддержку и помощь – значит, дать
надежду. А я не хочу. Катя оставила жи-
вущего, бросила ради мужа и ребёнка. А
муж оставил её ради бутылки и шлюх. Я
спросил её, когда мою картину купил кол-
лекционер из Амстердама: «Вернёшься,
может, в главные ряды художников?». Она
посмотрела на меня, улыбнулась: «Я
нужней здесь. Тут тоже есть свои
хлопсты и краски. Я и здесь рисую. Рису ю
новых людей. Помогаю им поверить в
себя, найти себя. Я несу ответственность
за них. За каждым штрихом, за каждой
линией – человеческая жизнь. Судьба.

Счастье. Люди – они, правда, не карти-
ны, но их тоже можно испортить. Так же
можно не заметить, не оценить, порвать,
выбросить... Поэтому я всё тот же ху-
дожник, а значит, я вместе с вами, и мы
идём в ногу».

11-40 – сегодня не мой день. Кати ско-
рей всего в больнице не будет. Не её сме-
на или ещё что-нибудь. Да и в общем-то
пешком ходить не привыкать. А деньги
завтра мне займёт Федя.

11-42 – в кармане последняя монет-
ка. Если вытащу орлом – пойду до Кати,
если решкой – пойду до дома. День-то
только начался.

11-43 – орёл.

11-45 – перейти дорогу. Потом в пере-
улок. В нём полно мусора – коробок из-
под обуви и пустых бутылок. Любимое
пристанище бичей и пьяниц. Все мы – не-
приспособленцы – в одном шаге от «гор-
дого» звания «бич». Сейчас быть бичом
модно: не работаешь, налоги не платишь,
цельными днями знай себе пей и бутылки
собирай. А если еще в Центре занятости
на учете стоишь и получаешь каждый ме-
сяц пособие – ваше красота.

12-10 – дом, где резали друга дет-
ства Пашку. Убили случайно не того.
Перепугали. А Павлу было 16 лет. Уро-
дам за непреднамеренное убийство дали
основно. Папочка одного из нападавших
кому-то хорошо позолотил лапу. Родите-
ли Паши писали Горбачеву – без толку.
Потом они уехали из города.

12-25 – городская психиатрическая
больница.

12-30 – Катя. Я буквально налетел на
неё в дверях. Она приклеивала инфор-
мацию для посетителей на дверь, когда я
собрался с духом и вошёл.

– Ты?! Каким ветром?

– Деньги нужны?
– А кому они не нужны? Знаешь тако-
го? Пускай поделится.

– У нас скоро обед. Ты голоден?

Я соврал, что нет.

– Всё равно накормлю. Пойдём.

– Что, к психам?

– Новые чувства, новые пережива-
ния – разве не интересно? Не бойся, мы
поедем в моей комнатухе. У меня там
спрятано домашнее вино, сама стави-
ла. Пошли.

13-00 – 14-02 – обед.

Рис с рыбной котлетой, рассольник,
компот, 3 куса хлеба, пирожное «кар-
тошка».

– Ты похудел.

– Это от нервов.

– Все мы потенциальные клиенты это-
го заведения. Все без исключения. И чем
больше я здесь работаю, тем больше в
этом убеждаюсь.

– Тебе здесь нравится.

– Ты спросил или сам за меня от-
ветил?

– Так по тебе видно. Сияешь себя.

– Это дневной крем. Я всегда им
лицо мажу.

– Не про то я.

– Ты про сияние изнутри?

– Оно чувствуется. Ты вроде и не
улыбашься совсем – а само счастье.
Кого-то нашла?

– Разве что только себя.

– Да, это самое главное. Найти себя.

– А ты разве не нашёл?

– Не-а...

– Женишься тебе надо. А уж жена тебя
настроит на нужный лад.

– Думаешь?

– Уверена.

Я подумал.

– Сколько можно думать? Действо-
вать надо.

– У меня ни работы, ни денег... что за
такого пойдет. И жить со мной – бурлакам
только под силу. Кроме картин и мыслей,
ничего нет. Кот ещё по кличке Шах и боти-
нок, который нужно заклеить.

– У тебя клей нет?

– Мы вроде только говорили о моей
женильбе?

– Этому у шизофреников не надо
учиться, чтобы прыгать с мысли на
мысль. Так клей у тебя есть?

– Я-а, я это, как егo...

– Всё понятно. Доедай, а я сейчас.

Катя была простой женщиной, ху-
денкой с редкими жиденькими волоса-
ми, чувственным ртом и тускло-голубы-
ми глазами. Я бы использовал её как
натуру, если бы когда-нибудь рисовал
фею или девушку-эльфа. Хрупкая, поч-
ти воздушная... Как облачко... И как
она сможет справиться, если огромный
детина-психопат решит поразвлекать-
ся? Страшно представить... и тем не менее
Катя здесь работает уже больше десяти
лет. И счастлива.

Она вернулась с тюбиком клея «Мо-
мент». Мне стало неудобно.

– Вернешь, когда сможешь, – сказа-
ла она и положила клей передо мной на
стол. – Ты всё еще не разучился крас-
неть, когда стесняешься. Брось – мы уже
взрослые. А взрослые – значит сильные.
Нужно уметь бороться. Везде и всегда.

В конце концов, и проигрив порой победа.
Я молча слушал, дожевывая пирож-
ное и слушал.

– Я никого не вино в своей жизни. Все
кого-то ругают. Кто правительством и пре-
зидента, кто родителей и общество, кто
строй и политику партии, кто Бога... Я
никого не ругаю. Даже себя не обвиняю

в такой жизни. А какая у меня жизнь?
Нормальная человеческая жизнь. Чего-
то хотела, пускай не добилаься всего, но
ведь шла, стремилась, хотела. Да и ещё
не вечер, как говорится. И ты не сдавайся.
Может, тебя в медбратье пристроить, а?
Ты как?

– Не понял, что?

– Пойдешь к нам работать, спраши-
ваю?

– Ой!

– Чё «ой»? Платят неплохо, обще-
ние предостаточно. Всё ж лучше, чем
ничего, и времени для творчества и
вдохновения куча. Те картинки тебе вон
как пригодились!...

– Я подумал, Катя.

– Говорю тебе, нечего думать, всё б
ему думать – действовать надо. В общем,
я сегодня поговорю с главврачом. А ты
завтра приходи часам к восьми. Деньги
на дорогу есть?

– ЕСТЬ.

– Точно?

– Зуб даю.

– Слушай, может, ты зайдешь ко мне,
заберешь, какие приглянутся, вещи моего
бывшего. Они мне только полку в шкафу
занимают. Столько лет прошло, а все вы-
бросить жалко. Там ни разу не ношенные
сапоги есть. Куртка с подкладом, как но-
вая. Зайдешь?

– Неудобно так, Катя.

– А что неудобно? Друзья всё-таки, ка-
кие ни есть, а друзья. Учились вместе...
да и так...

– Зайду.

– Годика через три?

– Ну почему, на днях зайду, а сын как?

– Он уже не живёт со мной. Подже-
нилсь.

– Вот как. Вот время летит.

– Потому и надо торопиться жить.

Я сказал:

– Да. Надо.

14-05 – на крыльце мы были одни.

Сейчас у больных сон-час. Посещения
начнутся после четырёх. Катя напомнила
о завтрашнем дне и: «Побрейся. Тебе не
идёт недельная щет